

ОГОНЬКИ В ГЛУШИ

Детское царство С.Т. Шацкого

Юрий Скаткин

Колония в окружении деревень

Колонию окружал не только лес, но и многочисленные деревни, из которых мальчики и девочки приходили на целую неделю в колонию учиться. Их называли приходящими. На воскресные дни они могли уходить домой.

Самая близкая деревня была Самсоново. Небольшая, уютная деревенька, с которой соседствовало крохотное имение, состоящее из двух одноэтажных домиков, коротенькой липовой аллеи и прямоугольного запущенного парка, спускающегося к реке Протве.

В Самсонове, как и в других деревнях, окружающих колонию, почти в каждой избе стоял огромный ткацкий станок, занимавший пол-избы, на котором крестьяне ткали платки.

Если идти от Самсонова на восток, то, пройдя две версты через поле, покажется село Белкино со старинной барской усадьбой, состоящей из скучного, в форме куба, трёхэтажного каменного дома и крохотной полуразрушенной церквушки. Их окружают старые липы. Несколько высыхающих прудов, соединённых между собой плотинами, проходят через деревню и заканчиваются парком. Нижний этаж барского дома превращён в зал для проведения культурных мероприятий в дни праздников, и колонисты здесь частые гости, просвещающие крестьян и деревенскую молодёжь спектаклями, хоровыми декламациями и лекциями с волшебным фонарём.

От Белкино до деревни Кабицино ещё две версты по большаку — так именуются дороги, обсаженные дряхлыми берёзами, посаженными ещё во времена Екатерины Второй.

По другую сторону железной дороги деревень побольше: Белоусово, Доброе, Передоль, Трясь, Стрелковка, Величково, знаменитое Тарутино и не менее исторический Угодский завод, где ещё в XVII веке был построен крохотный заводик, производящий кое-какие железные изделия.

И были недалеко от колонии на южной стороне ещё две деревни — Пяткино и Потресово, разделённые рекой Протвой.

И вот те самые «приходящие» из этих деревень, возвращаясь домой, не могли не рассказывать своим деревенским друзьям о жизни в колонии, вызывая у них зависть. И упрашивали тогда эти ребята своих родителей, чтобы они отпустили их «жить у Шацкого». А Митя Расторопнов из Белкина даже пригрозил матери, что он сам убежит в колонию, если мать с Шацким не поговорит. Мать упростила Шацкого, и Митя с 1921 года стал колонистом. Ваню Кондратьева из Тарутино, наоборот, пугали колонией, если он в своей деревенской школе будет плохо учиться. А он выведал у ребят, что это за колония, и сам запросился туда.

Был он неприметным, стеснительным, а прозвище в колонии получил грозное — Гусь.

Деревня Кабицино была представлена в колонии сразу четырьмя Сучковыми. Следом за Паней были приняты два её брата — старший Иван и младший Сергей, да ещё двоюродная сестра Пелагея.

Продолжение.
Начало см.:
НО. 2003. № 10;
2004. № 1.

Да и другие деревни имели в колонии по нескольку своих представителей, хотя и не однофамильцев, так что свой переход домой и обратно в колонию по субботам и воскресеньям они совершали целой гурьбой.

Каждый «приходящий» гордился своей деревней. Ведь то была их родина.

Когда на уроке литературы писали сочинение под названием «Моя Родина», Костя Горлин из деревни Трясь написал:

«Моя родина — деревня Трясь. Когда-то вокруг деревни были болота и трясина. Наверное, и деревню из-за этого назвали Трясь. Но дело не в названии, а в её виде. А наша деревня самая видная».

БУДЕТ НОВАЯ ШКОЛА

Вот и пришла зима. Закрутились снежные хороводы, стали крепчать морозы... В колонии появились истопники. Этой профессией за зиму овладевали почти все колонисты, и требовала она умения и сноровки. У хорошего истопника печи и не дымили, и горячими были. Дрова заготавливали впрок ещё летом. По первому снегу встали колонисты на лыжи, что сами смастерили, и до позднего вечера на склонах оврага не смолкали переключки и смех лыжников.

В один из таких зимних дней колонию облетела новость — будут строиться новые дома.

С нетерпением ждали колонисты приезда Шацкого, который должен был подтвердить эту новость. И вот на общем собрании появилась знакомая фигура Шацкого.

— Народный комиссариат по просвещению, — начал своё выступление Шацкий, — выделил нам средства на постройку новой школы и двух общежитий.

Колонисты восторженно встретили слова Шацкого.

— Что будут представлять из себя эти здания? — продолжал Шацкий. — Ну, прежде всего, нам нужна такая школа, где мы могли бы разместить всех колонистов — живущих и приходящих. Это будет двухэтажное деревянное здание со светлыми просторными классами — каби-

нетами: математики, физики, русского языка, сельского хозяйства, химии, иностранного языка, обществоведения. Предусматривается помещение для библиотеки и учительской...

— Как будет отапливаться школа?

— А в уборную на улицу будем бегать?

— Раздеваться где будем? В классах? — закидали вопросами Шацкого.

— Отапливать школу будем печами.

Очевидно, понадобится лишняя партия истопников, так как прибавится четыре печи внизу и две наверху. В уборную на улицу бегать не будете. Они предусмотрены в помещении школы. Соответственно, прибавится забот тем, кто летом будет выполнять роль ассенизаторов.

И под смех ребят Шацкий, улыбаясь, добавил:

— Я думаю, что эта незавидная процедура разумнее, чем беготня зимой в уборную, расположенную на улице. Для раздевалки тоже места найдутся, рядом со школой расположится здание столовой. Она же будет служить зрительным залом. К столовой будет пристроена сцена, а кухня будет с противоположной стороны.

— Вот здорово! — послышался одобрительный возглас. — Будем играть спектакли, как в настоящем театре.

— Слева от школы, — продолжал Шацкий, — построим общежитие для девочек, а у оврага — для мальчиков. А этот барак, где мы находимся сейчас, придётся разобрать. Он хорошо послужил нам. Здесь мы со старыми колонистами начинали строить нашу жизнь. Теперь мы сможем сделать её более красивой и содержательной.

После собрания только и было разговоров, как это здорово, что в колонии появятся новые дома. Паня Волков рассказывал мне, как в этом бараке неудобно было ставить спектакли. Отгораживали часть общей комнаты занавесом и получалась сцена. Зрители сидели вплотную к сцене, а поскольку сцена и зрительный зал были на одном уровне, то задним зрителям не всегда было видно, что происходило на сце-

не. И они тогда бесцеремонно устремлялись вперёд и рассаживались на полу возле сцены.

— Ставили как-то «Царя Салтана», — продолжал свой рассказ Паня, — Саня Лушин играл Гвидона. Соорудили для него бочку, и он по ходу действия должен был из этой бочки вылезти. Всем было очень интересно, как это будет происходить. Тогда задние зрители и ринулись вперёд, поближе к сцене. Шацкий как шикнет: «Назад!» А Санька подумал, что Шацкий ему команду даёт, и полез обратно в бочку. Сидит и не вылезает, пока ему по бочке не постучали, давай, мол, вылезай, заснул, что ли. Вот смеху было.

Это был рассказ о прошлом колонии. А новая история началась вскоре после Нового года, когда мы услышали скрип саней и увидели на них сосновые брёвна. Поддевывая ломами, возчики скидывали их в снег. Брёвна стучались друг о друга, издавая приглушённый звон.

Ещё один экзамен

В зимние вечера, по субботам колонисты собирались в тёплой столовой, или, как её называли, общей комнате. Кроме столов и скамеек здесь ещё располагался чёрный рояль. Эти сборы назывались общими вечерами. Раз в месяц на вечер зачитывался рукописный журнал, иногда играла на рояле Валентина Николаевна или пел Шацкий. Для колонистов это был настоящий праздник. А уж без импровизаций, без пения и простеньких танцев, вроде полочки, не обходился ни один общий вечер.

Вот на один из таких вечеров я и пришёл с ребятами. Увидев меня, Паня Сучкова и Ляля Журкина позвали к себе. Столы были убраны, скамейки расставлены по стенкам. Нисколько не смущаясь, я очутился в компании девочек. Собиралась играть Валентина Николаевна. Я побоялся, что Лялечка начнёт меня просвещать, как просвещала в саду, но здесь она вела себя благопристойно, «иностранцем» не обзывала и в разговоры не вмешивалась. Зато Паня была в своём репертуаре:

— Пожалуйста, сосредоточься, — шепнула она, — сейчас ты услышишь классическую музыку, а будешь рассеянным, ничего не поймёшь.

Я поблагодарил Паню за совет, но не сосредоточился, а стал рассказывать о том, как я, будучи маленьким, залез дома под рояль и, увидев, что у рояля только три ножки, заплакал.

— Дядя чинил рояль и утащил четвёртую ножку, — жаловался я маме.

Девчонки рассмеялись, но тут же утихли. За рояль села Валентина Николаевна.

— Ребята, — сказала она, — сегодня я сыграю несколько пьес из «Карнавала» Шумана.

И полились чудесные звуки музыки. То плавные и тихие, то громкие и стремительные, печальные и радостные. Вот звуки танца, а это слышится песня...

Я сажу сбоку от рояля. Мне виден профиль Валентины Николаевны. Она сидит на краю стула, чуть сгорбившись, нажимая и отпуская ногой педаль. Пальцы стремительно бегают по клавишам. Играет она без нот.

Когда в мастерской Гаврилова я увидел картины, мне самому захотелось рисовать. Сегодня, услышав музыку, игру Валентины Николаевны, мне захотелось быть музыкантом.

Валентина Николаевна продолжала играть. Взглянув на Паню, я увидел, что она сидит с закрытыми глазами. «Советовала мне сосредоточиться, а сама спит», — подумал я и легонько толкнул её в бок.

— Ты что, сдурел? — открыв глаза, шепнула она.

— А чего ты спишь!

— Я не сплю, а мечтаю, — важно произнесла Паня. Я оставил её в покое и сам решил закрыть глаза, но Валентина Николаевна уже закончила играть. Я хлопал в ладоши, но меня никто не поддерживал.

Валентина Николаевна, сидя за роялем, обратилась ко мне:

— Шура, ты, очевидно, ещё не знаешь, что у нас не принято аплодировать ни

мне, ни Шацкому, когда он поёт... Музыку нужно прочувствовать, не спугнув её воздействия.

Потом она обратилась к ребятам:

— Давайте что-нибудь споём.

Желающие окружили рояль и запели незнакомую мне песню:

Я, к мачте прислонясь, стою

И волн хребты считаю...

Потом ещё одну красивую песню про иву, которая склонялась над водой и «дрожжащими листьями, словно жадными устами», ловила беглую струю. Причём «ловишь беглую струю» повторяли три раза и пели до последнего слова на одной ноте.

Когда кончили петь и колонисты стали расходиться, Валентина Николаевна окликнула меня:

— Шура! Тебе понравилась музыка?

— Мне было интересно смотреть, как вы играете. А музыка очень красивая, — ответил я.

— А петь ты умеешь? Ты слышал, как хорошо поют ребята?

— Я не знаю, каким мне голосом петь, — сокрушался я.

— Если не возражаешь, Шура, давай сейчас и проверим, — посоветовала Валентина Николаевна. Она сыграла ноту, чтобы я её повторил. Мы перебрали то низкие, то высокие, пока Валентина Николаевна не убедилась, что слух у меня вполне приличный.

— Ну, а петь тебе с таким дискантом придётся в группе девочек, — заключила она.

«Недаром Коля Шильников говорил, что я на девчонку смахиваю. По внешности, — подумал я, — а теперь и по голосу».

— Ты пищал, как комар, — смеясь, сказала Паня. Девочки, оказывается, стояли в дверях и с любопытством слушали, как я сдаю экзамен на певца.

В колонии были и поэты

Костя Горлин был старше меня на две группы, он был красивым юношей, с пышной шевелюрой, с крупными карими глазами, с большой головой.

Я встретил его в библиотеке. Он стоял около окна, широко расставив ноги. В одной руке он держал книгу и, размахивая другой рукой, декламировал:

Прощай, свободная стихия,

Последний раз передо мной

Ты катишь волны голубые

И блещешь гордою косой.

— Не «косой», Костя, а «красой», — поправляет его Мария Даниловна.

Как друга ропот заунывный...

Как друга ропот заунывный, —

повторял Костя и, увидев меня, рассердился:

— Ну, что ты на меня уставился? На, поддержи книжку и проверь. Я помог ему справиться со «свободной стихией», которую он готовил к Пушкинскому вечеру. Для его выступления кто-

то придумал необычную декорацию: натянули простыню, а сзади её поставили лампу. Костина фигура еле умещалась на простыне. Он декламировал во весь свой юношеский голос, усиленно жестикулируя руками. И вдруг мы видим, как к его ногам протягивается тень чьей-то руки и дёргает за штанину. Костя прерывает чтение, и мы слышим шёпот Варвары Александровны Покровской, Костиной учительницы русского языка:

— Костя! Ты пропустил четыре строчки. Начни сначала.

Зрители было рассмеялись, но Костя, брыкнув ногой, начал снова:

Прощай, свободная стихия!

Когда он кончил декламацию, его наградили бурными аплодисментами. Он хотел показаться из-за простыни, но она оборвалась и накрыла Костю, так он и раскланивался, накрытый, как плащом, простыней.

Потом другие ребята показывали сцены из «Бориса Годунова», читали стихи, теперь уже без декораций. В заключение Миша Иванов, примерный ученик Юлии Самойловны, сыграл на рояле вальс из оперы «Евгений Онегин».

Костя и сам писал стихи. О природе. Какая она красивая и нежная, как девушка из его родной деревни. Костя сказал, что написать стихотворение для него не составляет никакого труда.

— Ты понимаешь, Шурик, из меня рифма так и прёт сама. Я её на ходу ловлю, записывать не успеваю. У каждого поэта своя творческая лаборатория.

Я ему сказал, что я без всякой лаборатории могу рифму подобрать:

«лес — бес», «луна — она», «берёза — заноза». Костя, как опытный стихотворец, подтвердил мои поэтические задатки и дал творческое задание написать стихотворение к ближайшему номеру журнала «Бодрая жизнь».

— Про любовь? — спросил я.

— Что ты в ней понимаешь? Напиши лучше про весну, как почки набухают, листочки распускаются, птички развлекаются.

Я принял совет старшего товарища и написал про весну, только не о почках и листочках, а про наводнение, которое я видел в Москве.

Вскоре на общем вечере, когда зачитывали очередной выпуск «Бодрой жизни», я услышал свою фамилию.

— Стихотворение Шуры Сорокина «Наводнение».

Я покраснел до ушей, сердце моё затрепетало, я ждал, что все обернутся в мою сторону, но никто не обратил внимания на меня, никто не заметил моих переживаний.

— *Вода поднялась высоко,*

Пошла уж гулять по Москве, —

громко читала строчки моего стихотворения Наташа Руднева.

— *Трамваи ходить перестали,*

На улицах лодки везде.

А лёд, и шумя и сверкая,

Летит всё вперёд и вперёд.

Он вовсе не думает таять,

И смотрит на льдины народ.

Вода начинает сбывать уж,

Народ уж уходит домой.

А лодки, как рыбы на мели,

Застряли по всей мостовой.

И только Костя оценил мой талант. Он подошёл ко мне и, поздравив, произнёс:

— Гениально! Особенно про лодки, которые на рыб похожи.

Нам по силам даже Блок

Приближался праздник 1 Мая. Колония готовилась к приёму гостей из окружающих деревень. На площадке строилась сцена. Художники писали призывные плакаты. Шацкий предложил подготовить хоровую декламацию. Я попросил Станислава Теофиловича, чтобы и меня включили для выступления в декламации. Шацкий одобрительно отнёсся к моей просьбе и сказал, что завтра будет репетиция. Каково было моё удивление, когда я увидел, что Шацкий сам пришёл на репетицию.

— Сегодня, ребята, мы будем работать над произведением пролетарского поэта Демьяна Бедного «Главная улица». — И Шацкий прочитал эту «Главную улицу». Мне очень понравилось начало:

Трум-ту-ту-тум!

Трум-ту-ту-тум!

Движутся, движутся, движутся, движутся,

В цепи железными звеньями нижутся, —

Грозно идут,

Идут,

Идут,

На последний, на главный редут.

Шацкий пояснил, что такое редут, что хотел поэт передать в этом произведении, кто, куда и зачем движется.

Задайте вопрос психологу

Моей девочке 13 лет, она дружит с мальчиком из своего класса. У них очень хорошие отношения, но ведь это возраст полового созревания. Как поговорить с моим ребёнком о половом воспитании, что ей рассказать? (Татьяна В.)

— Каждому родителю однажды приходится решить для себя нелёгкую проблему — поговорить со своим ребёнком... о сексуальных взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Как ни странно, но современные дети ставят родителя при таком разговоре порой в неловкое положение, удивляя своими познаниями в этой области. Так ли это? Кажущаяся осведомлённость подростков — иллюзорна, лишь единицы из них знают о методах контрацепции, сексуальной природе мужчины и женщины, строении половой системы, беременности и т.д.

Сейчас не пишет и не говорит с телеэкрана о сексе только ленивый, но подростки практически не читают «умных» статей, о половой жизни они узнают в основном от сверстников (35% мальчиков, 12% девочек), из литературы (54% мальчиков, 31% девочек) очень сомнительного содержания и, к сожалению, весьма доступной сегодня. С родителями же на эту тему могут побеседовать лишь 16% юношей и 35% девушек.

В период полового созревания подростка взрослые (родители и педагоги) должны быть особенно чуткими, тактичными в вопросах полового воспитания. Самоустранение, уход от понимания сложности проблемы наносит непоправимый вред психике ребёнка. Стремясь доказать свою самостоятельность, подросток идёт на случайные половые контакты. Последнее обстоятельство, как правило, приводит либо к заражению венерическими заболеваниями, либо несвоевременной беременности...

Подростки часто спрашивают психологов: о чём говорить на первом свидании, как себя вести, позвонить «ему» или нет, как познакомиться с девушкой и т.д. Кажущиеся на первый взгляд смешными, эти вопросы глубоко тревожат их.

Родителям, имеющим детей подросткового возраста, необходимо научиться **слушать и слышать** своих уже не малышей. Попробуйте ненавязчиво дать несколько советов сыновьям или дочерям, расскажите о своей романтической любви. Этим вы завоеуете доверие своего ребёнка. Помните, что подростковый возраст — это, если можно так сказать, тренинг по развитию навыков общения с противоположным полом. Нередко юношей охватывает паника, когда они впервые остаются наедине с девушкой, даже если не влюблены в неё, а она просто нравится. Посоветуйте, если есть такая возможность, пригласить «предмет обожания» на

Задайте вопрос психологу _____

дискотеку, в кино, на концерт или просто на прогулку (не обязательно инициатором должен быть мальчик). Важно в таком разговоре не упустить моральный аспект, т.е. научить ребёнка рассчитывать своё время и время друга, энергию, а также деньги. Приучайте подростка быть внимательным, и не только к объектам своей симпатии, но и к родителям, учите детей (особенно мальчиков) делать комплименты (вспомните, как часто вы сами служите в этом примером). Посоветуйте подростку узнать, что нравится ей или ему: какие музыка, фильмы, книги, пусть они вместе посмотрят какую-либо видеозапись. Тем самым вы подготовите сына или дочь к общению с противоположным полом. Ничего нет страшного в том, если дети будут также обсуждать вопросы любви и секса, в результате такого нейтрального общения они почувствуют себя увереннее и многое узнают друг о друге. Неплохо, если вы научите своего ребёнка не мямлить при разговоре — говорить чётко, но не громко, держаться естественно, а не выставлять себя напоказ. Можно поговорить и о взгляде — он должен быть направлен на собеседника (недаром бабушки дворянок учили тех, как смотреть на предмет своего обожания; помните, у Ларисы Рубальской есть такие слова: «...в угол, на нос, на предмет...»). Поговорив с дочерью, заметьте, что психология мужчины отличается от психологии женщины. Важно научить девушку слушать своего парня, быть чуткой и внимательной, но не растворяться в своей любви к нему сразу, постараться делать это постепенно. Несмотря на то что половое созревание девочек идёт быстрее, чем мальчиков, их духовно-нравственное взросление может быть более длительным (целомудрие). Юноше советуйте не торопиться событиями, он должен созреть эмоционально.

Ещё один нравственный аспект: уступив сразу своему парню, девушка тем самым даст повод для сомнения, что она так же легко может уступить любому другому молодому человеку. Помогите девочке понять, что парень должен иметь все основания для того, чтобы уважать её.

Порой приходится сталкиваться с более серьёзными проблемами. Дефекты полового воспитания, невнимание к детям, запугивание приводят к плачевным результатам. Если всё-таки что-то «случилось», не уходите от этих проблем, постарайтесь понять характер чувств, причины мотивов, отнеситесь к ребёнку по-человечески, упреки в таких случаях — ненадёжный помощник. В Москве существуют Центры реабилитации, психологической помощи, Центры планирования и поддержания молодой семьи, работают телефоны доверия, обратитесь за советом, не делайте поспешных выводов, ведь впереди у подростка целая жизнь.

— Вот, друзья, мы и должны с вами передать словами это победное движение восставшего пролетариата. А теперь разобьёмся на отдельные группы.

Шацкий расставил нас в четыре кучки и продолжал:

— Первые слова. «Трум-ту-ту-тум» — вы громко скажете все вместе, а дальше по группам. Вы начинаете: «Двигутся», вы и вы — продолжаете: «Двигутся», а ваша группа заканчивает... Начали! Одна группа за другой. Сначала — медленно и тихо... Теперь громче. Ещё громче!

Шацкому кажется, что мы медлим.

— Вы топчетесь, а не двигаетесь! Они наступают, их цель близка... Всё сначала!

Он взмахивает рукой, ускоряет её движение, топаёт ногой в такт нашим словам.

— Сейчас получше, но ещё энергичнее! — И снова мы следим за его рукой и кричим во весь голос:

Трум-ту-ту-тум!

— А теперь, — предлагает Шацкий, — будете произносить выразительно по одному. Ты, Павлик, начинаешь:

Главная улица в панике бешеной...

— Ты, Шура, продолжаешь:

Бледный, трусующийся, словно помешанный...

— Не трусующийся, а трясущийся. Он от страха трясётся.

Понял?..

Я понимаю, но от своего страха опять повторяю «трусующийся».

— Ну, хорошо, — успокаивает меня Шацкий, — пусть эту фразу произнесёт Костя.

Шацкий терпеливо подбирает то одного, то другого декламатора.

— Давайте снова по группам, — командует он.

— «Скорей! Скорей! Скорей! Скорей!» — кричим мы.

— Не совсем скоро получается, — замечает Шацкий, — но на сегодня хватит. Завтра репетицию продолжим.

Мы репетировали не только на другой день, но и на второй, и на третий, пока Шацкий не убедился, что теперь нам можно выступать перед зрителями.

Когда мы вышли гурьбой на сцену и всю её заполнили, уж здесь мы постарались, горланили во весь голос:

Вышел на улицу новый хозяин,

Вышел, и всё изменилось вокруг.

Дрогнула, замерла улица главная,

В смутно-тревожное впасть забытьё,

Воля стальная рабоче-державная,

Властной угрозой сковала её:

— *Это моё!*

После выступления Шацкий похвалил нас и сказал, что нам по силам не только Маяковский, но и ещё какой-то неизвестный нам Блок.

Перед нашим выступлением с «Главной улицей» было торжественное собрание, на котором нас принимали в пионеры. Нас —

это восемь достойных кандидатов в пионеры и по успеваемости в учёбе, и по примерному поведению.

Володя Кузовкин, наш пионервожатый, со всей ответственностью подготавливал нас к этому торжеству. Он очень боялся, как бы мы не забыли текст торжественного обещания. Мы выучили его назубок и преподнесли все вместе, вроде хоровой декламации. Володя повязал нам галстуки и поздравил нас с ответственным званием пионера.

На другой день было пионерское собрание, на котором Володя представил собранию новое достойное пополнение. Он напомнил этому новому пополнению, что кроме повседневных обязанностей мы должны иметь обязанности пионерские. Их хватило на всех, а мне Володя предложил проявить активность в работе редакции стенной газеты.

Я не стал возражать. Лучше приносить пользу, чем попусту время тратить.

Стройка началась

С приходом весны, когда сошёл снег, солнце пригрело землю, мы увидели незнакомых людей. Они ходили с длинными рулетками, останавливались, вбивали колышки и шли дальше. Потом пришли рабочие в фартуках и по размеченным колышкам протянули тонкие верёвки и по этим разметкам стали рыть канавы и укладывать кирпичный фундамент. А другие рабочие принялись сооружать огромные козлы для распилки брёвен на доски. Когда бревно было положено, на козлы влезал один человек, а второй становился под козлами. И начиналась тяжёлая работа. Огромная пила врезалась в бревно, чтобы превратить его в широкие, пахнущие смолой доски. Одни из них будут полом, другие потолком. А вскоре начали вырисовываться контуры новых зданий, медленно, но неуклонно растущих.

Дранка для крыш уже приготовлена. Эти белые пластинки, нарезанные из осины, будут укреплены гвоздиками на стропилах. Их уложат одну под другую и никакой дождь не пробьёт их. Со временем дранка потемнеет и крыши станут серыми.

И пришёл, наконец, тот день, когда засверкали стёкла в окнах новых колониистских построек. Как заботливые хозяева, принялись колониисты наводить в них порядок.

Девочки взялись за тряпки, чтобы окна мыть, а мальчики за носилки — мусор выносить.

На меня носилок не хватило, и мне было поручено не менее значительное задание — наводить чистоту веником, да ещё в новом здании школы. Помощником моим оказался Ваня Кондратьев. Он хотел разделить работу по половицам, но я сказал, что надо не делёжкой заниматься, а уборкой. Когда была наведена чистота, началось великое переселение, только не народов, а мебели и имущества.

Панический страх от новоселья охватил Марию Даниловну. Она больше всего переживала, как бы при переезде не перепуталась расстановка книг согласно библиотечным законам.

Задайте вопрос психологу

Родители и педагоги не должны забывать, что в этом возрасте имеют дело с созреванием и становлением очень сложного, во многом самому ребёнку неясного чувства — чувства влюблённости, симпатии, влечения к противоположному полу. Стремление подростков к объединению и уединению парами хотя и не лишено сексуального оттенка, но эту потребность в общении с представителями противоположного пола нельзя трактовать как стремление к половой близости. Взрослым надо научиться уважать чувства ребёнка без оскорбительной подозрительности. Характер первых встреч, формирующийся в значительной степени случайными обстоятельствами, часто определяет дальнейшее развитие отношений с противоположным полом.

Подростковый (пубертатный) период — это шанс, часто не используемый родителями и педагогами для обучения школьников общению с противоположным полом. Чаще интересуйтесь проблемами своего ребёнка, спрашивайте о друзьях, делах, школьной жизни. Помогите школе, классному руководителю в организации работы по половому воспитанию подрастающего поколения, приглашайте, если есть такая возможность, специалистов, и эта работа не пройдёт даром.

Сексуальные знания, не согретые теплом возвышенных моральных чувств, могут привести к инстинктивному «животному» поведению в отношениях с противоположным полом. Знания же, подкрепляемые всеми видами неполовой любви (любовь матери и отца, любовь к природе, к Родине и т.д.), несущие положительную эмоциональную окраску, способствуют гармоничному нравственно-сексуальному созреванию подростка.

Половое воспитание поздно начинать в пубертате, им следует заниматься задолго до зарождения первого чувства влюблённости. Необходимы непрерывность и поэтапность полового воспитания и просвещения.

Увеличение объёма знаний в сознании человека не ведёт автоматически к росту его воспитанности. Эффективность влияния на моральное поведение диктуется многими факторами: свободное обсуждение в семье вопросов половой морали, проблем взаимоотношения между мужчиной и женщиной, внимание к нуждам детей, отсутствие мелочной опеки, личный пример взрослых, уважение к личности воспитанника, грамотное построение учебно-воспитательных мероприятий, использование высокохудожественно-публицистической литературы и т.п.

Необходимо обогащение эмоций и чувств ребёнка. Равнодушие родителей к ребёнку, эмоциональная холодность, так же как и мелочная опека, могут привести к отрицательным последствиям, беспорядочным половым связям, равнодушию, неспособности в будущем найти своё счастье, любовь, организовать собственную семью. ▶ *Продолжение см. на с. 185*

И как всегда, колонисты оказались надёжными её утешителями и помощниками. Я тоже оказался в их числе и бережно перетаскивал связки книг, а потом, после переезда, оказался вполне достойным быть действительным членом библиотечного кружка.

В новой школе

В новой школе появились и новые заботы. Нужно было оборудовать кабинеты.

Преподаватель физики, брат Шацкого — Теодор Теофилович призвал на помощь старших колонистов.

А нам достался кабинет сельского хозяйства. Пётр Алексеевич Завитаев на первом же уроке, поздравив нас с новосельем, сказал:

— Табличка на двери уже имеется. А чего нам не хватает? Правильно. Не видно, что мы в этом кабинете собираемся изучать. Я могу наговорить вам кучу законов, формул и цитат, но если мы не будем знать, какая в нашем округе почва, если мы не поддержим в руках растения, которые мы собираемся выращивать на этой почве, то у нас получится сплошная ... что? Правильно. Чехарда. Кстати, о цитатах. Я тут подыскал мудрое изречение Тургенева «Природа не храм, а мастерская и человек в ней работник». Может быть, с него и начнём оформление кабинета?

— Пётр Алексеевич, — осмелился я, — дайте мне эту работу. Я красиво напишу.

— А мы цветы умеем засушивать, — откликнулись девочки.

— Работа найдётся, — продолжал Пётр Алексеевич, — цветочки — это хорошо, а с образцами почвы придётся потрудиться всем. Надо ещё подумать о наглядных пособиях. Раз девчонки поговорились о цветочках, им и поручим набирать их для гербария.

Я усердно выводил красными буквами цитату, а показав свои способности, получил задание на изготовление таблиц и диаграмм. Мальчики отправились в столярную мастерскую изготавливать ящики для образцов почвы.

Когда в эти ящики аккуратно уложили эти самые образцы, то все увидели: что ни образец — одна показательная глина.

— Извести этой почве не хватает, — сокрушённо объяснил Пётр Алексеевич, — ведь такая картина и в окружающих деревнях. Вот и расскажите своим родителям об этом.

И мы решили не сказать, а написать целое воззвание. Пусть приходящие и разнесут его в свои деревни.

«Дорогие родители! — так мы начали это воззвание. — Мы хотим, чтобы в нашей стране повысилась урожайность. Мы из книг и от агронома знаем, что наша тяжёлая глинистая почва нуждается в извести. Мы призываем вас помочь государству в деле поднятия урожайности и просим привезти на свои поля по три воза извести».

— А у нас, в Кривском, навоз на поля возят, — заметил Ваня Жучкин. — И правильно делают, — ответил Пётр Алексеевич, — ведь и мы без такого удобрения не обходимся.

К весне все стены кабинета были заполнены научными цитатами, полезными советами и диаграммами: «Как поднять у коров надои молока», «Проверка семян на всхожесть» и «Что такое правильный севооборот».

А проверять семена на всхожесть мы направились в морозовскую оранжерею. Там уже колдовала над ящиками с различной рассадой тётя Шура — Александра Васильевна Богачёва. И мальчики, и девочки успешно осваивали премудрости пикировки, пересадки и посадки всей этой армады цветочков, помидорчиков, растущих под стёклами оранжереи с невероятной поспешностью.

Потом всё это хозяйство разбежится по клумбам и грядкам и совершит нелёгкое переселение во все окружающие колонию деревни. А в кабинете сельского хозяйства появится новая таблица под названием: «Деревни, получившие семена и рассаду из колонии».

Мы слушаем Москву

У Теодора Теофиловича была привычка — при разговоре вставлять слово «понимаете ли», которое со временем превратилось в сокращённое «мали».

Однажды на уроке физики, вместо того чтобы вызвать нас к доске, Теодор Теофилович сказал:

— Как же так, мали, получается.

Из Москвы вещает радиостанция имени Коминтерна, а мы, находясь всего в ста верстах от неё, не слушаем её передач.

— А как же мы будем слушать?

— У нас и приёмников нет! — загалдели ребята. Теодор Теофилович ответил:

— Эх вы, мали, а ещё колонисты!

Вы же на все руки мастера. Неужели вам приёмник не осилить? А вообще, что это за штука радио? Кто расскажет?

— Это когда слова по воздуху летят, — объяснил Ваня Жучкин.

— Что же, по-твоему, если я говорю, а ты слушаешь, это уже радио? — рассмеялся Теодор Теофилович.

— Это волны невидимые, — начал было объяснять Павлик Краснощёков.

— Правильно! — поддержал его Теодор Теофилович, и вместо урока у нас получилась лекция о великом изобретении человечества.

Лекция так нас захватила, что при непосредственном участии Теодора Теофиловича мы тут же составили план работ по изготовлению первого в колонии детекторного приёмника. Работы хватило всем. Одни собирали из берёзовых дощечек корпус, другие наматывали звонковую проволоку на деревянную болванку с металлическими спицами и проваривали эту болванку в парафине, третьи сборкой занимались и графитовый кристаллик укрепляли, а в заключение планку с иглой приворачивали.

Эта самая иголочка и должна была изловить волну-невидимку.

Теперь дело было за антенной. Старшие колонисты привезли из леса два ровных шеста. Крепко скрепили один с другим. Около школы врыли две крепкие опоры и между ними укрепили металлическим стержнем нижнюю часть шеста. На верхней его части укрепили антенну на изоляторах. Второй конец антенны потом будет закреплён у второго этажа школы. Когда все эти подготовительные процедуры были закончены, наступил самый ответственный этап — подъём шеста.

Всё население колонии собралось на это невиданное зрелище.

— Поднимай! — скомандовал Теодор Теофилович. Ребята потащили тросы, и высоченный шест, нехотя оторвавшись от земли, начал медленно подниматься. Как только он принял вертикальное положение, его растяжками укрепили на вбитых в землю колышках.

Громкое «ура» огласило колонию.

— Пошли Москву слушать! — бросились было ребята к школе. Но это событие произошло лишь на следующий день. И когда в наушниках послышался наконец женский голос: «Говорит Москва», желающих убедиться в этом собралось так много, что пришлось составить список очередников на одну пару науш-

ников. Решили, что для начала хватит десяти минут каждому очереднику.

— Чья очередь? — командовал дежурный.

— А что передают?

— Ой, не мешайте! Про нашего Теодора поют.

— Дурак! Это про тореадора. Оперу «Кармен» транслируют. Сменяя друг друга, счастливицы по эстафете передавали, кто кого любил, кто кого убил. Уже электростанция колонии просигнала, и свет погас (хорошо, запаслись керосиновой лампой), а желающие послушать голос Москвы терпеливо дожидались своей очереди.

Часы кремлёвской башни пробили полночь, и радиостанция имени Коминтерна замолкла до утра.

Слух о том, что колонисты завели у себя радио, быстро облетел окружающие деревни. И вот к Валентине Николаевне пришли ходяки-крестьяне из Белоусова. Решили, мол, убедиться, правду ли ребята говорят, что голос из Москвы без проводов слушают, а если правда, то нельзя ли эту самую «радио» в Белоусове соорудить.

Валентина Николаевна сказала, что это так, и если товарищи хотят в этом убедиться, то их проводят в кабинет физики послушать это самое радио.

Когда делегаты услышали голос в наушниках, они недоверчиво оглядывались вокруг, не разыгрывают ли их. Убедившись, что это не фикция, только и могли сказать:

— Надо же, до каких изобретений люди дошли!

Поблагодарив Теодора Теофиловича, гости очень просили уважить их просьбу смастерить такую же чудо-штуковину для просвещения белоусовских крестьян.

Теодор Теофилович заверил, что он обязательно поговорит об этом с колонистами.

Когда он на общем собрании рассказал о необычной просьбе белоусовских крестьян, к столу подошёл Юра Ивохин, худенький, с взъерошенной шевелюрой, активный член физического кружка, и сказал:

— Ребята! Как я понимаю, здесь понадобятся аккумуляторы. Их не достанешь. Неужели мы сами не осилим изготовить?

— Если ты сможешь, мы не против, — кто-то крикнул из зала.

Теодор Теофилович похвалил Ивохина за инициативу и сказал, что он не сомневается в активности колонистов.

Всю неделю до позднего вечера кабинет физики не закрывался. Он превратился в мастерскую по изготовлению аккумуляторов.

После завершения дружной работы Ивохин заявил Теодору Теофиловичу, что ему ничего не стоит смонтировать даже ламповый приёмник на лампах МДС-2 с приёмом на репродуктор типа «тарелка», на что Теодор Теофилович ответил:

— То, мали, тебе только на пользу.

У Юры нашлись помощники. Вскоре их затея увенчалась успехом и «тарелка» загорланила на всю колонию. **НО**